

вого не существует), с тем чтобы отстоять принципы рыночной экономики. Этим, по мнению авторов, объясняются противоречия между методологическими суждениями либеральных экономистов и их размышлениями о российской экономической политике. Ситуация представляется еще более парадоксальной, если принять во внимание, что многие российские экономисты середины – второй половины XIX в. сформировались под влиянием немецкой «исторической школы» в политэкономии.

Таким образом, развитию экономической теории в России препятствовало то, что «начиная с 1840-х годов академические экономисты оказывались снова и снова вовлечены в идеологические дебаты с противниками рыночной экономики и частной собственности». В условиях крайне жесткой критики рынка со стороны славянофилов, «многие российские экономисты видели свою главную задачу в “просвещении” общества относительно основных преимуществ рынка, вместо того чтобы развить аналитические инструменты экономической теории. Это также привело к тому, что почти все экономисты... не только издавали научные работы, но и участвовали в общественных дебатах» (с. 146).

Авторы также утверждают, что вопреки распространенным представлениям воззрения К. Маркса крайне редко становились предметом обсуждений среди российских экономистов несоциалистических взглядов в конце XIX – начале XX в. Поэтому, «хотя идеи Маркса казались российским социалистам более привлекательными, чем социалистам европейским, К. Маркса ни в коем случае нельзя рассматривать в качестве доминирующей фигуры в до-революционной российской экономической науке» (с. 188).

С.В. Беспалов

2010.04.018. ОСЬКИН М.В. БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ. – М.: Яуза: Эксмо, 2010. – 416 с. – (Великая забытая война).

Ключевые слова: Россия, Первая мировая война, потери российских войск, Брусиловский прорыв.

Автор книги пишет, что Брусиловский прорыв стал единственным сражением Первой мировой войны, названным по имени полководца, и последней крупной победой Российской империи. Русская армия раньше других нашла выход из «позиционного ту-

рика», сумев взломать оборону противника на широком фронте, уничтожив две и разгромив три австро-германские армии. Брусиловский прорыв обозначил стратегический перелом в ходе войны в пользу Антанты.

Монография состоит из введения, пяти глав («Подготовка наступления на Восточном фронте»; «Юго-Западный фронт: Луцкий прорыв»; «Западный фронт: удар на Барановичи»; «Ковельская мясорубка»; «Осень: затухание боев южнее Полесья») и заключения.

22 мая 1916 г. войска Юго-Западного фронта, которым командовал генерал от кавалерии А.А. Брусилов, взломали австрийскую оборону на более чем 300-километровом фронте. Восточный фронт оттянул на себя все германские резервы, остановил «верденскую мясорубку», способствовал английскому наступлению на Сомме (с. 9). Планы австрийского командования сломить Италию в кампании 1916 г. рухнули «вследствие Брусиловского прорыва» (с. 184). Тем не менее достичь полной победы не удалось.

Ставка Верховного главнокомандования за кампанию 1916 г. планировала провести стратегическое наступление на Восточном фронте соединенными усилиями войск всех трех русских фронтов – Северного (командующий – ген. А.Н. Куропаткин, с 1 августа – ген. Н.В. Рузский), Западного (командующий – ген. А.Е. Эверт) и Юго-Западного (командующий – ген. А.А. Брусилов). Но такой совместной операции группы фронтов не получилось. Наступление вел лишь Юго-Западный фронт, в который входило от четырех до шести армий. Позиционная борьба предполагает большие потери. Особенно – со стороны наступающего.

Устоявшиеся в отечественной историографии цифры соотношения потерь составляют: 1,5 млн., в том числе треть военнопленными, у противника, против 500 тыс. у русских. Трофеи русских составили 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов (с. 371). В подсчетах потерь есть спорные нюансы. Во-первых, это временные рамки. Около полумиллиона человек Юго-Западный фронт потерял лишь в мае – середине июля. В то же время австро-германские потери в 1,5 млн. человек исчисляются на срок до октября. Во-вторых, это соотношение числа убитых и раненых с числом пленных. В июне-июле из армий Юго-Западного фронта поступило максимальное количество раненых за всю войну: 197 069 человек и 172 377 человек соответственно. Даже в августе

1915 г., когда обескровленные русские армии откатывались на восток, месячный приток раненых составлял цифру в 146 635 (с. 372).

В западной историографии порой называются и нереальные цифры. Так, в Оксфордской энциклопедии говорится, что в ходе Брусиловского прорыва русская сторона потеряла *миллион человек убитыми*. Выходит, что почти половину всех безвозвратных потерь Россия понесла именно на Юго-Западном фронте в мае-октябре 1916 г. На деле это были *общие* потери войск Брусилова – убитыми, ранеными и пленными. Автор считает, что вопрос о соотношении потерь противоборствующих сторон остается открытым, так как данные обеих сторон грешат неточностью. В австро-германских сводках занижали действительное число своих потерь порой в три-четыре раза, одновременно чрезмерно завышая потери своих противников.

Большие потери кампании 1916 г. надломили волю личного состава армии к продолжению борьбы, а также повлияли на настроения тыла. Однако вплоть до падения монархии войска готовились к новому наступлению, тыл продолжал свою работу, и говорить о том, что держава рушилась, было бы неверно.

Во многом большие потери объясняются тем обстоятельством, что русские дивизии были слишком «перегружены» людьми по сравнению с противником. После пополнения армии новобранцами зимой-весной 1916 г. четвертые батальоны всех полков стали состоять из одних новобранцев. Степень же снабжения техникой осталась на прежнем уровне. Избыток пехоты в лобовых боях, ведшихся в условиях прорыва сильных оборонительных полос противника, только увеличивал число напрасных потерь.

Упорство русских атак на ковельском направлении говорит и об отсутствии оперативной инициативы в штабе Юго-Западного фронта: выбрав один-единственный объект для ударов, русская сторона тщетно пыталась овладеть им даже тогда, когда стало ясно, что подготовленных резервов не хватит для наступления к Висле и в Карпаты. Чем надо было бы развивать прорыв к Брест-Литовску и далее, если те люди, что были подготовлены в период позиционного затишья, уже погибли в этих боях?

В Первой мировой войне средства обороны неизмеримо превосходили по своей мощи средства атаки. Поэтому наступающая сторона несла несравненно большие потери, нежели обороняющая-

ся. «Позиционный тупик» образовался на всех фронтах Первой мировой войны потому, что оборона в боевом отношении оказалась эффективнее наступления. Поэтому остановился и Брусиловский прорыв и захлебнулся удар армий Западного фронта ген. А.Е. Эверта под Барановичами. Единственной альтернативой этому, по мнению автора, могло бы стать «раскачивание» неприятельской обороны перманентными переносами направления главного удара, как только предыдущее направление оказывалось бы под сильной защитой германских войск, что, в частности, показала перегруппировка сил в 9-ю армию ген. П.А. Лечицкого, против которой не хватало немецких частей. Возможно, следовало бы в максимальной степени использовать и кавалерию – не как ударную группу, а в качестве средства развития прорыва обороны противника в глубину. То, что Луцкий прорыв не был развит и атаки предпринимались именно на ковельском направлении, привело к незавершенности операции и чрезмерным потерям.

Победы ударных частей фактически закончились уже в июне, хотя боевые действия продолжались еще три месяца. Впрочем, уроки были учтены: так, на совещании высшего командного состава в Ставке 17 декабря 1916 г. было признано, что напрасные потери только подрывают мобилизационные ресурсы России, уже и так близкие к исчерпанию. Признавалось, что необходимо «крайне внимательно относиться к операциям, дабы не было излишних потерь... нельзя операции производить там, где это невыгодно в тактическом и артиллерийском отношениях... как бы ни было выгодно направление удара в стратегическом отношении».

Если в 1915 г. поражения армии объяснялись нехваткой техники и боеприпасов, а войска тем не менее дрались с верой в конечный успех, то в 1916 г. было практически все, но победа вновь ускользнула из рук. Неверие в командиров вызвало сомнения и в возможности достижения победы при существующей власти.

Наступление Юго-Западного фронта, получившее в отечественной и зарубежной историографии наименование Брусиловского (Луцкого) прорыва, делится на два периода. Первый из них – *маневренный* – проходил с 22 мая по конца июня, когда боевые действия в полосе наступления русских армий имели активный, маневренный характер. В этом периоде русские войска достигли больших успехов по сравнению со своими союзниками по коали-

ции, сумев прорвать неприятельскую оборону на трехсотверстном фронте в ширину и на шестьдесят верст в глубину. В условиях позиционной войны еще ни одна сторона не добивалась такого выдающегося успеха: ни союзники, ни противники. Русским армиям не удалось довершить разгром врага: из-за немедленной помощи австрийцам со стороны германцев, чьи войска через пять дней после начала русского наступления появились на ковельском направлении, а уже 3 июня приступили к решительным контратакам на берегах Стохода; неумения командования фронта превратить оперативно-тактический успех в оперативно-стратегический прорыв путем своевременного изменения направления главного удара с ковельского на рава-русское и (или) львовское; неиспользования для развития прорыва четырех кавкорпусов и отдельных кавалерийских дивизий общей численностью в 60 тыс. сабель; неумения Верховного главнокомандования ни вовремя увидеть в прорыве армий Юго-Западного фронта главного наступления, ни организовать взаимодействия всех русских фронтов.

Второй период – *позиционный*. В это время только войска 9-й армии ген. П.А. Лечицкого (и то не всегда) вели маневренную войну. А.А. Брусилов продолжал действия на ковельском направлении, что втянуло русские войска в лобовые фронтальные атаки неприятельских оборонительных рубежей в самых неблагоприятных условиях для наступления. Русские войска несли тяжелые потери, которые даже несколько превысили австро-германские потери с начала наступления.

Современниками – участниками войны выделяются три основные причины столь неблагоприятного развития хода военных действий на Юго-Западном фронте в июле – сентябре 1916 г.

Во-первых, это – потеря личного состава, с большими усилиями подготовленного в период относительного «затишья» с января по май на Юго-Западном фронте. Период «затишья» на Восточном фронте позволил подготовить новые войска, пригодные для ведения маневренной войны. Их убыль к августу 1916 г. означала, что русская армия вновь стала состоять из наспех подготовленных резервистов при хронической нехватке унтер-офицерского и младшего командного состава. Теперь решительную роль стала играть техника, раз уж борьба вновь перешла в позиционную фазу, а в этом отношении русские заметно уступали австро-германцам. Вдо-

бавок ко всему гибель гвардии в неудачных июльских боях у Витожежа, Трыстенья, Кухарского леса и др. лишила правящий режим своей последней вооруженной опоры.

Во-вторых, проведению нового прорыва неприятельской обороны, образованной оправившимися от майско-июньского разгрома противником, мешало отсутствие тщательных подготовительных мероприятий по такому прорыву, подобно той работе, что была проведена командованием Юго-Западного фронта к началу наступления 22–23 мая. Общее наступление союзников по Антанте на всех фронтах (прежде всего, на Сомме) предполагало интенсивное наращивание усилий по прорыву обороны врага на каждом из фронтов. Провал наступления армий русского Западного фронта (Барановичи) означал, что наступление на Восточном фронте теперь будет продолжаться только южнее Полесья.

Не сумев организовать прорыв обороны противника, генералы А.Н. Куропаткин и А.Е. Эверт сорвали планы Ставки на кампанию 1916 г. Наступление на Ковель отвечало стратегическим целям всей кампании. Удар в ковельском направлении должен был объединить усилия Западного и Юго-Западного фронтов по разгрому противника и решительному слому австро-германской обороны на Востоке.

Неудачные назначения высших военачальников повлияли на исход кампании, приблизив революцию в России. Здесь проявилось и неумение Николая II разбираться в людях. Громадный оперативно-тактический успех армий Юго-Западного фронта не был развит. Русское командование фактически «отдало» противнику потенциально выигранную кампанию, приблизив тем самым революцию 1917 г. (разочарование общества и народа в военных возможностях правящего режима довести войну до победного конца) и развал армии.

Но в отношении общестратегической обстановки выиграла Антанта. Во-первых, австрийцы более не имели возможности организовать наступление против Италии. Во-вторых, русское наступление отвлекло на себя более двух десятков германских дивизий, большая часть которых прибыла из Франции, где немцы уже не смогли возобновить наступление на Верден, так как Ковель и Сомма отвлекли на себя последние немецкие резервы. Против армий генерала Брусилова были переброшены также турецкие и болгар-

ские части. С середины мая по ноябрь число германских пехотных дивизий на Восточном фронте, по русским сведениям, выросло на 60%: середина мая – 47 дивизий; июнь – 52 дивизии; июль – 57 дивизий; август – 64 дивизии; сентябрь – 70 дивизий; октябрь – 75 дивизий; ноябрь – 78 дивизий. Немцы перебросили на Восток против русского Юго-Западного фронта 18 пехотных дивизий с Западного фронта и четыре новые дивизии из резерва.

В-третьих, на стороне Антанты в середине августа выступила долго колебавшаяся Румыния.

А.А. Брусилов впоследствии считал основной причиной относительно малой результативности наступления его армий безволие Ставки и преступную некомпетентность командования Западного фронта, что привело к срыву общего наступления Восточного фронта и не позволило Луцкому прорыву приобрести стратегические масштабы.

А.А. Брусилов полагал, что руководство Ставки, ее «способ управления» оказались главными причинами поражения России в Первой мировой войне. И все-таки результаты Брусиловского наступления имеют большое значение для победы Антанты.

В отечественной историографии Брусиловского прорыва считается, что у союзников такого успеха не было вплоть до летнего наступления 1918 г. До этого времени они имели успехи только в оборонительных операциях (Марна, Верден), где им удавалось сдерживать германское наступление.

В.М. Шевырин

2010.04.019. БУЛДАКОВ В.П. КРАСНАЯ СМУТА: ПРИРОДА И ПОСЛЕДСТВИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАСИЛИЯ. – Изд. 2-е, доп. – М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. – 967 с. – (История сталинизма).

Ключевые слова: Россия, революция, диктатуры, революционное насилие, модернизационные процессы.

Д.и.н. В.П. Булдаков анализирует происхождение и особенности революционного насилия в России, достигшего своего апогея в 1917–1920 гг. Исследуя психосоциальную динамику революции,